

Ещё в начале своей газетной работы, несколько десятилетий назад, мне удалось встретиться с людьми, которые помнили доктора П. Незымаева. Много интересного рассказала, например, врач из Жуковки Зоя Григорян, которая до Великой Отечественной войны училась с Павлом Гавриловичем в одной группе Смоленского медицинского института. А последующая работа в областных и столичных архивах помогла восстановить многие малоизвестные доселе страницы жизни этого незаурядного человека. Нашлась и фотография врача.

Из больницы — госпиталь

Комаричи и сегодня — небольшой посёлок, почти на границе Брянской и Орловской областей. А в годы, когда здесь всё «утюжил» каток войны, он и вовсе обозначился на картах малюсеньким зёрнышком. Побывав недавно вновь в здешних местах, я увидел на местном кладбище две братские могилы. В одной — бойцы, освобождавшие Комаричи. В другой — местные подпольщики, приближавшие этот день освобождения.

...В 1941-м здесь, в глубоком тылу, приметы грохочущей где-то войны можно было обнаружить лишь по скоплению воинских эшелонов на железнодорожной станции, шастающим в посёлке чужеземным солдатам да бесчеловечным правилам «нового порядка», который они безжалостно устанавливали. На заборах, столбах и воротах пестрели приказы военного коменданта. За всё, вплоть до «хождения по улице после 6 часов вечера» полагался расстрел. Установили враги «новый порядок» и в местной больнице.

Перед самой войной удалось построить для неё новое здание, неплохо оснастить отделение. А гитлеровцы, захватив посёлок, сразу же оборудовали там госпиталь для своих раненых, загнав больных из числа местного населения в какой-то закуток. Не стало ни медикаментов, ни инструментария, ни пере-

Имена и судьбы

Врач — друг партизан

70 лет назад, незадолго до освобождения Брянщины, гитлеровцы казнили руководителя Комаричского подполья, бывшего заведующего местной райбольницей Павла Незымаева

вязочных материалов... Взамен дезинфицирующих средств начали использовать... самогон. В таких-то условиях молодой врач Павел Незымаев, перед самой войной назначенный заведующим Комаричской районной больницей, задумал создать здесь подпольный госпиталь для раненых советских воинов и партизан.

Чтобы не вызвать подозрения у «новых хозяев», Павел Гаврилович принял предложение стать начальником окружной больницы и сразу же устроил на работу завхозом одного из местных подпольщиков Александра Енюкова. В созданную им «медицинскую группу» вошли также бывший работник райздрава Степан Арсенов, акушерка Анна Борисова, медсестра Валентина Маржукова и другие. Павлу Гавриловичу никто не преподавал законы конспирации, проведила агентурной работы, правила вербовки. Но вот официальная справка, датированная 6 августа 1943 г.

Этот документ был подготовлен в ЦК ВЛКСМ и подписан заведующим спецотделом Центрального комитета А.В.Торицыным: «Уроженец с. Радогощ Комаричского района Орловской области, Павел Гаврилович Незымаев в 1941 г. окончил Смоленский медицинский институт. В 1940 г. — кандидат в члены ВКП(б). В сентябре 1941 г. создал подпольную организацию. Под его начало пришло более десятка комсомольцев, которые распространяли листовки, перерезали линии связи, собирали информацию о живой силе и техники противника. За восемь фунтов соли (она была как валюта) выменял радиоприёмник, чтобы слушать известия из Москвы...»

С придуманными диагнозами

Будучи начальником окружной больницы, Павел Гаврилович мог беспрепятственно передвигаться по всему району, и под видом гражданских лиц ему удалось поместить на лечение нескольких раненых. Понятно, что истории болезни заполняли, как говорится, «от фонаря», а диагнозы попросту придумывали.

Чтобы увеличить штат необходимого медицинского персонала, Павел Незымаев начал вести с молодыми подпольщиками специальные занятия по основам врачевания, анатомии и физиологии. И подготовленный под его руководством средний медицинский персонал вскоре начал быстро и ловко накладывать шины, вводить лекарственные препараты, делать перевязки...

Особой строкой в добрые дела доктора стоит вписать его работу по освобождению молодёжи от угона на принудительные работы в Германию. Вот сохранившаяся в архиве одна из справок, подписанная Павлом Незымаевым: «Осипов Т.П. Находился на лечении при Комаричской больнице по поводу заболевания лёгких и желудка с 10 августа 1942 г. Негоден. 27 августа 1942 г. врач Незымаев».

Так начальник окружной больницы ухитрился «привить букет заболеваний» 250 (!) абсолютно здоровым людям, многие из которых уходили потом в партизанские отряды. Когда же гитлеровцы захватили в плен двух обгоревших в воздушном бою лётчиков, Павлу Гавриловичу с огромным трудом удалось добиться у властей разрешения на стационарное лечение советских пилотов. Один из спасённых авиаторов Виктор Старостин сумел вскоре вновь подняться в небо.

«...Мне хочется, чтобы все знали, — вспоминал потом отважный пилот. — Что в глубоком тылу врага работали отважные люди, немало сделавшие для освобождения Родины...»

И это правда. Больница в Комаричах превратилась, по сути, в штаб подпольной организации.

Память жива

Право, в такое нелегко поверить, но факты — упрямая вещь. Отважному доктору и его группе с помощью начальника штаба полицейского батальона Павла Фандющенко удалось сагитировать на переход к партизанам

несколько одурманенных прежде вражеской пропагандой соотечественников. Тщательно готовили они и покушение на обер-бургомистра Локотского округа, изменника Бронислава Каминского, печально известного по роману А.Васильева «В час дня, ваше превосходительство» и другим книгам. Однако ловкому провокатору удалось втереться в доверие к подпольщикам, и вскоре была арестована вся группа.

Приговор военно-полевого суда Локотского округа сохранился в архиве: «...Все перечисленные лица обвиняются в шпионаже в пользу партизан, в совершении диверсионных актов... При допросах обвиняемые показали, что Незымаев и Фандющенко дали указания убить... комбрига господина Каминского Б.В. И тем самым облегчить задачу занятия партизанами пос. Комаричи и других населённых пунктов...»

...Теперь в центре посёлка, в сквере, установлен памятник. Слева от гранитной стелы — бронзовая фигура умирающего человека с высоко поднятым в руке флагом. На стеле — надпись: «Советским патриотам-подпольщикам». Имя врача Павла Незымаева названо тут первым.

Василий ШПАЧКОВ,
соб. корр. «МГ».

Брянская область.

НА СНИМКЕ: руководитель Комаричского подполья Павел Незымаев.

Фото из архива.

Далёкое — близкое

«МГ» продолжает публиковать автобиографические очерки жителя немецкого Ганновера Якова Фарбера, известного организатора здравоохранения, хирурга, заслуженного врача РФ, писателя, журналиста и краеведа, основателя музея истории медицины в Тамбове и победителя литературного конкурса им. М.А.Булгакова «МГ» 2011 г. Предыдущие очерки были связаны с пресловутым «делом врачей» и медицинской практикой в 50-е годы прошлого века.

Мой помощник в реанимации ветврач Сергей Фирсанов был человеком неординарным. И это обязывает меня посвятить ему несколько строк. Прежде всего, он самозабвенно любил свою специальность и неустанно повторял «слоган», якобы высказанный великим физиологом И.П.Павловым: «Человечий врач лечит человека, ветеринарный врач — человечество».

Я всегда с большим уважением относился к ветеринарам. Лечить бессловесных тварей, понятное дело, нелегко, но замах на целителей человечества, по-моему, чистая гиперболизация своих возможностей.

Сергей, по-видимому, неплохой врач, но отчаянно любил прихвастнуть. Он как-то похвастался, что может одной рукой положить лошадь. Я, признаться, не поверил тогда и сказал ему, что хорошо бы посмотреть на это действие. И он пообещал мне этот приём продемонстрировать.

И вот однажды звонит он мне и говорит, что к ним в Шуми-

Лошадиный язык

...И конь кивнул ему головой в знак согласия

ловку приезжает первый секретарь Тамбовского обкома КПСС А.Школьников, и Сергей ему будет показывать свой коронный номер. Я как раз был свободен. Раненько утром запряг лошадку в небольшую бричку и не спеша двинулся в Шумиловку — тихую деревеньку с шумной МТС. Когда я подъехал, районная власть собралась у ворот МТС, и все пребывали в тревожном ожидании. Мне предложили влиться в ряды «элиты». И вот к воротам подъехали две машины, из первой вышел высокий плотный человек — это был первый секретарь обкома Алексей Михайлович Школьников.

Рукопожатия. Знакомство с сотрудниками МТС. Когда Школьникову представляли Сергея Фирсанова, то, к слову, сказали, что в обращении с лошадьми он маг и волшебник. И первый секретарь пожелал посмотреть на его мастерство. К Сергею подвели красивого серого коня. Он обнял его за шею, что-то приговаривая при этом и тихонько поворачивая голову лошади к себе. Через какое-то время лошадь медленно стала клониться к нему, потом на секунду прилегла на вытянутую правую ногу ветеринара и тихо сползла по ней на землю. Всё было проделано эффектно и напынно великолепно отработанный цирковой номер. Все присутствовавшие зааплодировали,

а Школьников подошёл к Сергею и, пожав ему руку, спросил, как же ему удаётся одной рукой «своладать» с конём ретивым.

— А я лошадиный язык знаю, — ответил тот, — и на ухо коню тихо сказал: «Послушай, дружок, здесь сам Школьников, ты уж меня не подведи». Вы же, наверное, заметили, как конь кивнул мне головой в знак согласия.

Все, конечно, рассмеялись, а Алексей Михайлович, оценив остроумие ветврача, ещё раз пожал ему руку.

* * *

Совершая объезд животноводческих хозяйств в колхозах, Сергей непременно заезжал ко мне, просто так, как он говорил, «на рюмку чая». Но в этот раз приехал «по делу».

— Я только что был в Хреновке, а там жуткая история — никак не может кобыла ожеребиться! Кесарево сечение нужно делать.

Саквояж с инструментами у меня с собой, а вот шёлк не взял, поэтому приехал к тебе с убедительной просьбой — выручай. Спасать лошадку надо! А шёлку надо много, сам понимаешь, и стерильного.

Я вызвал операционную медсестру. Таисия Ивановна с недоверием посмотрела на «нашего коллегу», но всё же принесла из операционного блока двухлитровую банку с шёлком, залитым спиртом.

— Ладно, — говорю, — забирай банку. Только где ты там оперировать будешь? Очень любопытно посмотреть — кесарево сечение у лошади!

— Где буду делать? Да где ж делать, прямо возле конюшни.

Я быстро собрался и уже минут через 30 был на колхозном дворе в Хреновке. Смотрю и глазам своим не верю, прямо на земле расстелена лошадиная шкура. Ну всё, думаю, опоздал. Тут подошёл зоотехник, знакомый мне — из

числа моих пациентов. Спрашиваю у него:

— Что, операция не удалась?
— Какая операция?
— Кесарево сечение, ветврач Фирсанов должен был её делать.
— Да что вы доктор! Фирсанов лошадь осмотрел, о чём-то переговорил с председателем колхоза, приказал забить беднягу, а потом сказал, что к вам поехал. Часа два тому назад это было.

«Вот это здорово! — подумал я. — Значит, ветврач меня как мальчишку вокруг пальца обвёл! Теперь мне стало ясно, зачем ему понадобилась банка с шёлком. Спирт ему нужен был, а не шовный материал! Ну, погоди, «целитель человечества!»

К вечеру Сергей позвонил с покаянием. Видимо, кто-то ему рассказал, что я был в Хреновке и всё знаю. Я прервал его нетрезвые извинения.

— Зачем тебе понадобилось мне врать?!

— Понимаешь, Яков, много народу собралось на поминки по погибшей лошади, а выпить нечего. В магазине пустые полки, в МТС ехать далеко, а больница рядом.

— Ну и ты решил заехать в больницу, как в трактир придорожный?! И обманом из операционной, можно сказать, «святой святых», заполучить алкоголь на шутовскую трапезу?! Представляю себе, как ты там похвалялся своим подвигом! — высказал я ему всё в гневе.

После этого разговор больше я ветврача не видел, да и он не стремился возобновить наши в прошлом дружеские взаимоотношения.

НА СНИМКЕ: вот так выглядит повал лошади.